

Причины возвышенія папства въ средніе вѣка.

Извѣстно, что въ средніе вѣка идея папскаго всевластія получила самое широкое осуществленіе. Папа Николай I, побѣдитель въ спорѣ съ епископами помѣстныхъ католическихъ церквей, папа Григорій VII, заставившій Генриха IV каяться въ Каноссѣ, Иннокентій III, взимавшій подати съ королей, которыхъ онъ считалъ своими вассалами, — все это примѣры, какъ нельзя лучше подтверждающіе тотъ фактъ, что папство дождалось осуществленія самыхъ смѣлыхъ надеждъ и вождельній, что какъ будто начала сбываться мечта папъ о всемірной теократіи подь ихъ главенствомъ.

Что вынесло на такую недосыгаемую высоту власти и авторитета тѣхъ, которые скромно называли себя *servus servorum Dei*? Что сдѣлало міровымъ повелителемъ служителя алтаря Господня? Неужели счастливая случайность преемственности на папскомъ престолѣ лицъ богато ода-

ренныхъ желѣзной волей, мудростью змѣя и жаждой власти? Неужели тотъ жалкій документъ, называемый Лжеисидоровскими декретами, въ правдивость и подлинность котораго не вѣрили и не вѣрятъ даже римскіе богословы, и который несмотря на это сыгралъ большую роль? Пожалуй, эти факторы, безусловно, имѣли свое значеніе, но главное не въ нихъ. Главнымъ факторомъ возвышенія папства въ средніе вѣка явилась вообще средневѣковая обстановка, т. е. совокупность социальнихъ условій средневѣкового быта. Припомнимъ эти условія: бѣдность наукъ и знаній, отсутствіе путей сообщенія и крупныхъ коммерческихъ центровъ, откуда мелкая промышленность, не выходящая изъ рамокъ ремесла, работающаго для узкаго круга потребителей, не рассчитаннаго на широкій торговый обмѣнъ; основная общественная единица была чрезвычайно мелка и сводилась къ отдѣльному феодальному владѣнію и городу, болѣе крупныя общественныя соединенія были слабы и непрочны, не исключая и королевской власти. „Атомистичность“—вотъ краткая, но выразительная характеристика социальнаго строя средневѣковаго міра.

Но даже въ состояніи „атомизма“ не могла не чувствоваться въ людяхъ потребность въ какой-либо общей связи въ томъ объединяющемъ началѣ, которое было бы обще и для нѣмца и для англичанина и для француза etc. и олицетворяло бы хоть нѣкоторое подобіе принципа братства, такъ нужнаго для жизни вообще. И такимъ началомъ, такимъ фокусомъ могла быть только религія, могла быть только церковь. Вотъ въ силу чего глава церкви остался хозяиномъ положенія, которое онъ широко и использовалъ: онъ сталъ вершителемъ судебъ народовъ, высшимъ земнымъ управителемъ и судьей. Такъ создано и держалось всевластіе папства. Протестовали противъ папскаго всемогущества только свѣтскіе монархи, но и тѣ должны были въ концѣ концовъ примириться съ фактомъ тѣмъ болѣе, что сами чувствовали себя слабыми и въ случаѣ нужды могли рассчитывать на помощь и защиту отъ апостольскаго престола.

Резюмируя все изложенное, найдемъ, что причинами возвышенія папства въ средніе вѣка явились: ищущій центра атомизмъ средневѣковаго міра, а также властолюбіе,

умъ и энергія самихъ папъ, сумѣвшихъ взять и удержать то, что давалось.

Что это, дѣйствительно, такъ, объ этомъ говоритъ исторія упадка папства къ концу среднихъ вѣковъ. Къ тому времени много перемѣнилось. Прекратился общественный атомизмъ. Прежній католическій міръ раскалывается на рядъ могущественныхъ государствъ, децентрализуется. Среди народовъ окрѣпли національные принципы. Выдвинулась королевская власть, и короли хотятъ быть полными хозяевами своей страны. Открываются новыя страны, развивается и выходитъ изъ узкихъ рамокъ промышленность. Папство перестаетъ быть необходимымъ связующимъ центромъ. Попытки вернуть утраченный авторитетъ наталкиваются на энергичный отпоръ, что видимъ изъ конфликта Филиппа Красиваго съ папой Бонифаціемъ VIII; народъ поддержалъ короля. Въ довершеніе всего на папскомъ престолѣ преемственно возсѣдаютъ люди бездарные и недостойные. Вавилонское плѣненіе папъ въ Авиньонѣ, великій расколъ и троепапство—суть крупныя отрицательныя факты, не могшіе не вліять на прогрессивное паденіе папскаго престижа. Папство ищетъ помощи у тѣхъ королей, которымъ прежде диктовало свою волю.

Такъ утратило папство міровое значеніе, котораго оно въ средневѣковомъ масштабѣ уже никогда не достигало.